

Му Хэсюань, увидев его столь высокомерным, не мог не выругаться, думая про себя: этот старый лысый монах, кто дал ему такую наглость?

Вэй Цзинсин тоже выглядел недовольным. Главное место было занято, где же ему сидеть? Этот психопат должен быть казнен. Он бросил взгляд на дядюшку Чжао рядом. Дядюшка Чжао понял и сделал шаг вперед:

— Мастер, вы, кажется, сели не на свое место?

— Согласно сто тридцать седьмой статье законов Дасина, гость, занявший место хозяина, подлежит наказанию двадцатью ударами палки. Мастер, вы практикуете буддизм десятилетиями, неужели забыли о правилах этикета?

Мо Юнь открыл глаза. Он не ожидал, что кто-то будет настолько несговорчивым, не только не притворится глухим, но и осмелится унижить его. Обычно люди изо всех сил старались угодить ему, даже император оказывал ему уважение. А ты, маленький князь Ань, кто ты такой? Я хотел проявить милосердие и продлить тебе жизнь, но теперь, хм! Забудь!

Он холодно фыркнул:

— Князь Ань, лучше оставлять себе немного места для маневра, чтобы не оказаться в безвыходной ситуации, когда никто не поможет.

— Мастер Мо Юнь, похоже, уже достиг просветления в то время, когда мы этого не знали. Видимо, вы очень могущественны.

— Кто ты такой?! Ты!!! — Мо Юнь вскочил на ноги, его узкие глаза теперь широко раскрылись, выражая недоверие. Му Хэсюань не использовал никаких иллюзий, он хотел, чтобы Мо Юнь увидел его настоящую внешность и понял, что Му Хэсюань пришел свести с ним счеты.

Однако Мо Юнь, хоть и был шокирован, не связал это с ним. Он думал о событии двадцатилетней давности, когда он тайно унес только что родившегося ребенка, чтобы «решить» его.

Он вернулся.

Злая энергия исходила от него, это было точно. Сила мертвого младенца была велика, и он, вероятно, не сможет с ним справиться. Теперь оставалось только сражаться до конца.

Му Хэсюань, увидев его выражение лица, понял, что дело плохо, и приказал дядюшке Чжао побыстрее открыть ворота.

— Демон! Почему ты все еще остаешься здесь, чтобы сеять зло среди людей?!

Му Хэсюань, казалось, слегка съезжился и прижался к Вэй Цзинсину:

— Мастер Мо Юнь, что с вами?

В это время за дверью уже собралось немало людей.

— Это не мастер Мо Юнь? Что случилось?

— Сегодня я, старый монах, буду вершить правосудие!

— Мастер, я просто сказал, что вы заняли место нашего князя, и теперь ему негде сидеть. Как это делает меня демоном?

Услышав это, зрители ахнули. Этот мастер Мо Юнь такой невежливый, и он еще настоятель храма? И этот юноша явно человек, как он может называть его демоном?

Мастер Мо Юнь увидел, что играют в его же игру. Он погладил бороду и спокойно произнес:

— Уважаемые, это воплощение мертвого младенца двадцатилетней давности. Если вы не верите, посмотрите, как я верну его в истинный облик.

И он уже собирался действовать.

— Подождите, — неожиданно заговорил Вэй Цзинсин. — Мастер, похоже, вы не видите меня, князя. Если вы хотите действовать в резиденции князя Ань, то я доложу об этом императору, и, хотя он ничего не скажет, ему это не понравится. Кроме того, разве вы не хотите увидеть мою мать?

Последние слова были почти шепотом, произнесенным прямо в ухо Мо Юня, и даже Му Хэсюань их не услышал. Мо Юнь же внутренне содрогнулся и отступил на шаг.

Не может быть... Не может быть... Этот маленький ублюдок не может знать... Даже Вэй Яньцзюнь не знает...

Он, должно быть, блефует. Подумав так, Мо Юнь снова выпрямился, хотя внутри он все же был напуган. Он лишь злобно посмотрел на Му Хэсюаня и, взмахнув рукавом, ушел.

— Асин, иди сюда, садись. Дядюшка Чжао, принеси воды!

— Слушаюсь.

Вэй Цзинсин сел на стул, поддерживаемый Му Хэсюанем, который то вытирал ему пот, то гладил по груди, словно боялся, что он устанет, просто постояв.

Наконец, когда его рука снова приблизилась, Вэй Цзинсин взял его за запястье:

— Все в порядке.

— Говоришь, в порядке? Ты весь белый как мел. Ты только проснулся, нужно отдохнуть, а этот старый лысый монах все испортил. Я его замучаю.

— Зло само себя накажет, не беспокойся.

— Кстати, что ты ему сказал? Он так испугался.

— Угадай. — Вэй Цзинсин подмигнул, выглядя немного мило. Му Хэсюань снова застыл, невольно наклонившись, чтобы поцеловать его в уголок губ, но Вэй Цзинсин перехватил инициативу, усадив его к себе на колени и начав страстный поцелуй. Му Хэсюань на мгновение замер, но затем ответил с тем же пылом. Их языки сплелись, издавая звуки. Дядюшка Чжао, вернувшись с водой, увидел эту сцену и, прикрыв глаза, тихо удалился.

Господин слишком откровенен, хотя это и его двор, но кто знает, кто может увидеть.

Может, слишком долго сдерживался? Дядюшка Чжао вспомнил, что Вэй Цзинсин из-за своего

здоровья с самого детства был равнодушен к чувствам и ни к кому не испытывал влечения, и снова почувствовал жалость.

Надеюсь, этот господин Му действительно искренне относится к господину.

Но смогут ли двое, которые с самого начала не были честны друг с другом, быть вместе долго?

Есть поговорка: зло само себя уничтожит.

Дело мастера Мо Юня вскрылось через несколько дней.

Когда кто-то убирал его комнату, случайно обнаружил письма, которыми он обменивался с наложницей Жоу. Эти развратные и непристойные стихи вызывали мурашки по коже и тошноту.

Оказалось, что «настоящая любовь» наложницы Жоу был именно он.

Эти письма не только обнажили скандальный секрет императорской семьи, став темой для разговоров за чаем, но и показали, как настоятель храма Таньто, проповедующий спасение всех живых существ, был лицемером и отбросом!

Затем в его комнате нашли огромное количество сокровищ, почти половину императорской казны.

Никто не верил, что это произошло без чьего-то вмешательства.

На самом деле, многие вещи были известны всем, но поскольку их разоблачение было неудобным для всех, предпочитали держать их в тайне. Как и император Сюаньхуа, который тайно отправил наложницу Жоу в холодный дворец, а внешне говорил, что она плохо себя чувствует и нуждается в отдыхе в Зале Пурпурного Сияния. Потому что прелюбодеяние наложницы — это позор для него, для всей императорской семьи!

Теперь он не мог не ненавидеть того, кто сеял хаос.

— Расследуйте! Кто стоит за этим!

— Слушаюсь!

— Вернитесь! Тот, кто сообщил, и маленький монах, который нашел вещи, должны умереть.

— Слушаюсь!

— Эй, это ты сделал? — Му Хэсюань полулежал на кровати, играя с волосами рядом сидящего.

— Подарок, нравится?

— Ты помнишь... Я говорил тебе, когда у меня день рождения.

— А?

— Нравится, но ты мне нравишься больше.

— ... — Жена становится все более соблазнительной.

— Кстати, через месяц мы действительно уедем.

— Да, князь с уделами должен покинуть столицу в течение трех месяцев.

— Кто знает, что ждет нас впереди, и, кроме того, я действительно беспокоюсь за твоё здоровье.

— Ты не поедешь со мной? — Вэй Цзинсин опустил глаза, его голос был наполнен разочарованием. Но в тени его длинных ресниц скрывался взгляд, о котором мы ничего не знаем.

Му Хэсюань, увидев это, поспешил утешить:

— Нет, нет, конечно, я поеду. Но путь в Чу долгий, и хотя врачи говорят, что ты стал лучше, я все равно беспокоюсь.

— С тобой все будет хорошо. Разве ты не веришь в себя?

Му Хэсюань: «...» Вэй Цзинсин становится все более «живым», и он тоже не может с этим справиться. Раньше, когда он едва мог выговорить несколько слов, он был милее.

Вэй Цзинсин, видя его реакцию, перестал шутить и сказал:

— Через несколько дней я пойду попрощаться с матерью. — Он произнес это спокойно, но с ироничной улыбкой.

Му Хэсюань невольно протянул руку и легонько коснулся его губ:

— Не улыбайся так. Иди и возвращайся поскорее, я буду ждать тебя дома.

— Хорошо.

— Седьмого числа седьмого месяца в Зале Долголетия, в полночь, когда никто не слышит, мы шептались наедине.

<http://bllate.org/book/16715/1536212>